

МАТВЕЕВ Олег Владимирович

доктор исторических наук, профессор кафедры истории России
Кубанского государственного университета,
Краснодар, Российская Федерация

Oleg V. MATVEYEV

Dr. Sci. (National History), Prof.,
Kuban State University,
Krasnodar, Russian Federation,
vim12@rambler.ru

УДК: [[784.96:331.105.5]:[323.3:355.09]]:321.64(470.620)"1936/1940" DOI: 10.36343/SB.2022.29.4.003
ГРНТИ: 03.23.55
ВАК: 07.00.02

**«Наш колхозный богатырь...»:
Кубанский казачий хор
в политике встраивания
казачества в советскую систему
(вторая половина 1930-х годов)**

**“Our Collective Farm Warrior ...”:
The Kuban Cossack Choir in the Policy
of Integrating Cossacks
into the Soviet System
(Second Half of the 1930s)**

Цель статьи – анализ процесса встраивания казачества в советскую систему во второй половине 1930-х гг. на примере Кубанского казачьего хора. Источниками явились газетные публикации того времени и рукопись воспоминаний В. И. Птушенко, хранящаяся в Государственном архиве Краснодарского края. Изучен процесс возрождения прославленного коллектива, деятельность Я. М. Тараненко и Г. М. Концевича, рассмотрены репертуар и содержание концертной работы, повседневная жизнь хора, методическая работа сотрудников. Исследованы противоречия, связанные с концертной деятельностью в условиях репрессий второй половины 1930-х гг. В лице Кубанского казачьего хора большевистская власть получила мощный инструмент встраивания казачества в советскую систему. Несмотря на потери, связанные с классовым подходом к «чуждым элементам», коллективом обеспечивалась преемственность в бытовании хоровой и танцевальной культуры кубанского казачества, поддерживался устойчивый интерес к казачьим традициям, костюму, ценностям.

Ключевые слова: Кубанский казачий хор, Ансамбль песни и пляски кубанских казаков, колхозные казаки, идентичность, песенный репертуар, концертная деятельность, большевики.

Изучение политики интеграции казачества в систему советской государственности имеет научно-теоретическую и определенную практическую значимость, поскольку сего-

дня вопрос о месте казаков в общественно-политической и культурной жизни России вновь оказался востребованным. Опыт второй половины 1930-х гг., когда кубанские казаки

получили возможность поддерживать и развивать свою самобытную культуру, воссоздать знаковый для кубанской идентичности хор, его достижения и перспективы, крайне важен сегодня, когда прославленный коллектив переживает определенные кризисные явления.

История возрождения Кубанского казачьего хора изучена слабо. Имеется лишь давняя монография С. И. Еременко, вышедшая в 1977 г., где этому периоду уделено несколько страниц [8, с. 113–118].

Целью данной статьи является характеристика процесса встраивания казачества в советскую систему на примере Кубанского казачьего хора во второй половине 1930-х гг. Изучение темы затруднено тем, что документальных свидетельств о жизни хора (с января 1938 г. — Ансамбля песни и пляски кубанских казаков) в эти годы в Государственном архиве Краснодарского края и в Центре документации новейшей истории Краснодарского края практически не сохранилось. Часть документов была уничтожена перед занятием немцами Краснодара, часть, возможно, отложилась в фонде Главного управления по делам искусств Российского Государственного архива литературы и искусства, до которого сегодня, в условиях эпидемиологических ограничений, добраться непросто. Отсутствие документальных материалов в какой-то степени восполняют газетные публикации того времени, а также содержательная рукопись воспоминаний В. И. Птушенко, хранящаяся в фонде Р-1609 Государственного архива Краснодарского края. Валентина Иосифовна Птушенко (1902–1997) — известная русская балерина [12, с. 28], которая во второй половине 1930-х гг. возглавила танцевальную группу Ансамбля песни и пляски кубанских казаков.

В исследовании задействован историко-системный метод, который предполагает изучение явления как сложившейся системы, в которой все блоки и элементы (социальная политика большевиков, развитие казачьей идентичности и культуры, механизмы преемственности, вызовы, перед которыми оказался Советский Союз, подвижническая деятельность Г. М. Концевича (Рис. 1) и Я. М. Тараненко (Рис. 2), развитие колхозной Кубани и др.) взаимодействуют и определяют его характер

и связи. В работе использованы достижения историко-антропологического подхода: инструментарий социальной истории, микроистории, истории повседневности.

Научная значимость исследования заключается в комплексном подходе к истории Кубанского хора в контексте проблемы интеграции колхозного казачества в советскую партийно-государственную и культурно-идеологическую системы.

Вторая половина 1930-х гг. ознаменовалась в СССР кампанией «за советское казачество», вызванной целым рядом факторов: укреплением позиций коллективных хозяйств в казачьих регионах, стремлением задействовать военно-патриотический потенциал казачества в условиях создания очагов напряженности на западных и дальневосточных границах, пересмотром отношения к казачеству в связи с подготовкой новой Конституции и др. [18, с. 286–282]. 18 февраля 1936 г. в главной газете партии большевиков «Правда» вышла передовица «Советские казаки», в которой говорилось: «Казачество стало советским не только по государственной принадлежности, но и по духу, по устремлениям, по преданности советской власти и колхозному строительству» [24, с. 30].

В статье отмечалось, что «лучшие черты казачества — способность к железной дисциплине, отвага и упорство, беззаветная самоотверженность в достижении своей цели — могут и должны быть направлены на дело дальнейшего укрепления колхозов, на дело окончательного преодоления враждебных влияний, на дело превращения казачьего населения в могучий резерв рабоче-крестьянской Красной Армии. Необходимо воспитывать, укреплять и культивировать эти черты среди широких масс советского казачества, и прежде всего среди казачьей молодежи. Самое слово — казак — из синонима реакции, каким оно было раньше, становится синонимом упорного и честного колхозного труда и беззаветной преданности интересам социалистического отечества» [24, с. 35].

Для встраивания казачества в советскую систему была активно задействована богатейшая песенная казачья культура, обладавшая огромным духовным и воспитательным потенциалом. Создаются колхозные, станич-

Рис. 1. Григорий Митрофанович Концевич (1863–1937). Фотограф Матяш. [«Красное знамя». 1937. 2 июля]
Fig. 1. Grigory Mitrofanovich Kontsevich (1863–1937). Photographer Matyash [Krasnoe Znamya. (1937) 2 July]

ные хоры, активно пропагандируется работа по фиксации памятников устного народного творчества казаков, организуются фестивали и конкурсы народной песни. «Фольклор в настоящее время оценен полностью, — с надеждой писал собиратель народных песен Г. М. Концевич, — искусство вызывается жизнью и ею питается» [14, с. 4]. 25 июля 1936 г. Постановлением президиума Азово-Черноморского крайисполкома был создан Кубанский казачий хор в результате тщательного отбора исполнителей на празднике колхозного казачества. Газета «Красное знамя»

писала в августе 1936 г.: «На праздник колхозного казачества и пятидесятилетия СКВО (Северо-Кавказского военного округа. — О. М.) кубанские казаки выделяют сводный казачий хор в составе 230 человек. Хор организован по решению Всесоюзного комитета по делам искусств и президиума Крайисполкома. В хоре участвуют казаки станиц Ново-Титаровской, Пашковской, Абинской, Васюринской и Каневской. Художественное руководство возложено на тов. Концевича. В течение августа была проделана большая подготовительная работа специально выделенными хормейстерами, в станицах и колхозах отбирались лучшие певцы. <...> Организация хора — дело чрезвычайно важное. Окруженный вниманием партийных, советских и общественных организаций Краснодара и всего края хор должен показать прекрасные образцы народного кубанского фольклора» [20].

В начале следующего года газета сообщила: «В хор отобрано 50 человек с лучшими

голосами. Под руководством главного дирижера Тараненко Я. М. и художественного руководителя Г. М. Концевича хор приступил к занятиям. Помимо хористов в казачий хор волеется 10 лучших плясунов и три баяниста» [16].

В статье «Песни кубанских казаков», опубликованной в газете «Красное знамя» в марте 1937 г., Г. М. Концевич писал: «Задача вновь созданного кубанского казачьего хора — это, прежде всего, быть культурным рассадником музыкального искусства. Обязательные дисциплины для хора: постановка голосов, изучение теории музыки, общеобразовательные предметы в пределах семилетки. Ежедневные занятия — шестичасовые. Репертуар: народные песни кубанских, терских и донских казаков, песни Адыгеи, Грузии, Армении и другие национально-классические музыкальные произведения» [14, с. 4].

В отличие от дореволюционного войскового певческого хора, в советском коллективе важное значение придавалось танцевальной культуре. В. И. Птушенко вспоминала, что «Тараненко и Концевич очень уговаривали меня, чтобы я согласилась работать с ними и создать танцевальную группу из казаков, которых будут привозить из станиц» [6, л. 26]. О танцорах коллектива В. И. Птушенко писала: «Очень хороший, изящный, талантливый был Николай Жук. Колоритный и своеобразный был Василий Коровин — тракторист из кубанского колхоза. Съедал за обедом в колхозе около 2-х кило мяса. Сам нам рассказывал. Он был среднего роста, плечистый, кривоногий. Но танцевал всегда с таким жаром, с такой могучей силой, что танцем своим всех зажигал.

Рис. 2. Яков Михеевич Тараненко (1885–1943). Фотограф Матяш. [«Красное знамя». 1937. 2 июля]
Fig. 2. Yakov Mikheevich Taranenko (1885–1943). Photographer Matyash [Krasnoe Znamya. (1937) 2 July]

Рис. 3. Василий Семенович Вязовец (1912-1943), артист Кубанского казачьего хора
Fig. 3. Vasily Semenovich Vyazovets (1912-1943), performer of the Kuban Cossack Choir

Ни разу за многие выступления он не снижал экспрессии и огненной стремительности в своем танце. Он буквально перевоплощался, забывались его физические недостатки, его ноги и коренастость. У него не было той стройности и изящности, как у Жука, хотя Жук тоже обладал экспрессией своего стиля. На Коровина смотрели с удовольствием. Он заражал и зрителя, и коллектив своим внутренним огнем» [6, л. 28].

О танцорах Василии Рахубе и Василии Вязовце (Рис. 3) В. И. Птушенко рассказывала: «Рахуба был очень своеобразен. Ему пришлось отпустить усы и бороду. Он был в роли старика. Это еще больше увеличивало его успех. Но он обижался, говорил: “Ны хочу я быть з бородою, бо вси дивчата зовуть меня: “дедушка”, тай “дедушка”. А який же я дедушка? Я им кажу, шо я не дид, а воны не вируют. Сбрыю я вусы та бороду, бо дивчата от мэнэ вэртаются”. Директор ему говорит: “Я тебе деньги буду платить за бороду и усы. Зарплату тебе прибавлю!” Вязовец был лихой парень в танце. Он и Рахуба очень старались и приобрели сложнейшую танцевальную технику» [6, л. 28-29].

С началом Великой Отечественной войны эти два выдающихся артиста ансамбля ушли на фронт. Василий Семенович Вязовец, 1912 года рождения, из ст. Дядьковской погиб в боях с немецко-фашистскими захватчиками в 1943 г. [5]. Об уроженце ст. Дербентской В. Д. Рахубе, 1904 года рождения, в представлении о награждении медалью «За отвагу» говорилось: «Гвардии старший сержант Рахуба Василий Данилович за время пребывания

в Доме Красной Армии 6-го гвардейского кавалерийского корпуса проявил себя дисциплинированным, храбрым и честным воином РККА. До прикомандирования к ДКА товарищ Рахуба, находясь в полку и непосредственно принимая участие в боях с немецкими захватчиками, показал образцы доблести и героизма: он бесстрашно выполнял все задания командования. Выезжая вместе с художественной бригадой в подразделения, находящиеся на передовой, где в боевых условиях товарищ Рахуба своим танцем и веселой песней подымал бойца и командира на подвиги и на скорейшее уничтожение врага. Сам товарищ Рахуба коммунист, морально и политически устойчив и служит примером для отдельных бойцов и младших командиров» [19].

Характеризуя женский состав, В. И. Птушенко отмечала, что «особо ответственные танцевальные партии были у Лели Миргородской, позже по мужу Сапон. Она очень весело, с огоньком танцевала! Танец ее светился искренней радостью, весельем. Ни капли вульгарности не было в ее танце. Скромность, казачья удаль и живость украшали ее исполнение. Малевская, красивая, синеглазая, с длинными косами, смотрелась приятно. Остальных девочек — не помню их фамилий, но живо вижу в своих воспоминаниях» [6, л. 29-30].

Руководителей хора и танцевальной группы (Рис. 4) отличало стремление к аутентичному исполнению, что было вполне в духе времени. «Выступления нашего ансамбля, — рассказывала Валентина Иосифовна, — проходили очень хорошо. Молодежь, комсомольцы и старые деды и бабушки за 80 и более посещали наши выступления. В самых старинных станицах после выступления состоялись обсуждения нашего ансамбля — так ли мы поем и танцуем, как наши деды и прадеды пели и танцевали. И старики и молодые давали отличные отзывы, а бабушки даже плакали, так мы им напомнили их молодость. Благодарили за доставленное удовольствие для них. Говорили, что мы им прибавили силы и радости, что они помолодели на много лет!!!» [6, л. 39].

Как-то после одного из концертов в ст. Елизаветинской администрация встретилась с местными жителями для обсуждения репер-

Рис. 4. Кубанский казачий хор. Фотограф Матяш [Красное знамя. 1937. 2 июля]
 Fig. 4. Kuban Cossack Choir. Photographer Matyash [Krasnoe Znamya. (1937) 2 July]

туара: «Все танцы были одобрены. Исполнение казачьих песен найдено превосходным: “Точнісенько. Тільки слова іньши”. 60-летняя казачка Бован поделилась своими впечатлениями, вынесенными с концерта.

— Не втерпіла, душа потянула на козачі співи, пляскі,— сказала она.— І недарма прийшла. Де й старість. На 10 лет помолоділа. Гарно, дуже гарно співають, танцюють хлопці і дівчата. Спасибо всім вам» [13, с. 4].

Другие старожилы так высказывались о выступлениях ансамбля: «“Оце колись мы так співали и танцювали. Точнісенько, як були молодими!” А старушки: “Як бачили ваші танці, так би и пішла сама танцювати!”» [6, л. 44].

Г.М. Концевич в записях о гастролях коллектива по кубанским станицам отмечал, что администрацию очень интересовал вопрос о старинном казачьем женском костюме: «Старушки-казачки, осмотрев костюмы хористок, нашли их соответствующими старым костюмам казачек и посоветовали только сделать их более яркими и красочными» [13, с. 4]. В.И. Птушенко вспоминала: когда в станицах спрашивали: «не будут ли каких замечаний по костюмам? старики сказали: “Наши дивки такыж кофты одягали. Ще мы шутковали, шо на рукавах зверху зборки були, це шоб коромысло не падало з плыча”» [6, л. 44].

Руководители и артисты хора не только выступали с концертами в кубанских станицах, но и оказывали методическую помощь

местным фольклорным коллективам. В одной из заметок, посвященной гастролям хора, отмечалось, что «помимо выступлений, руководство хора оказывало практическую помощь кружкам самодеятельности. Так, в станице Усть-Лабинской с местным хоровым кружком была проведена беседа и консультация» [23].

Отдельные исследователи-казаковеды называют вторую половину 1930-х гг. «полной реабилитацией казачества» [4, с. 110], «возрождением» казачества. Однако руководство партии большевиков было намерено использовать в интересах безопасности страны лишь военно-патриотический потенциал казачества (Рис. 5). Оно не собиралось восстанавливать сословные привилегии, традиционное самоуправление, религиозность казаков, а в сфере культуры усиленно внедряло советские новации [18, с. 327]. Это нашло отражение, прежде всего, в репертуаре хора, который, как отмечала газета «Красное знамя» в 1937 г., состоял «из революционных песен, песен кубанских казаков и народностей СССР и из классических музыкальных произведений» [16]. Г.М. Концевич писал, что на гастролях коллектива по станицам Азово-Черноморского края хором были исполнены «революционные песни, классические хоровые произведения, песни и пляски кубанских казаков. Наиболее сильное впечатление на аудиторию произвели песни кубанских казаков и, в особенности песни: “Зозуля”, муз. Пищенского, “Ты, Кубань, ты наша

Рис. 5. Концерт Ансамбля песни и пляски кубанских казаков в казачьей части, которой командовал майор Смирнов. Фотограф Г. Матяш [Большевик. 1938. 1 мая]

Fig. 5. Concert of the Song and Dance Ensemble of the Kuban Cossacks in the Cossack unit commanded by Major Smirnov. Photographer G. Matyash [Bol'shevik. (1938) 1 May]

родина» в обработке Концевича и «Щедрик-ведрик», музыка Концевича. «Песня о Сталине» (муз. Ревуцкого) и «Песня о Родине» (муз. Дунаевского), по мнению всех слушателей, — лучшие номера в программе» [13, с. 4].

Один из корреспондентов отмечал: «Мастерство передачи заключалось еще и в том, что исполнители учитывали особенности каждой песни. Так, например: «Песнь о Сталине» звучала бодростью, силой и динамичностью; «Таманская партизанская» — отличалась выразительностью и картинностью; украинская — «Закуковала та сиза зозуля» исполнялась мощно и отчетливо; со здоровым юмором исполнялись народные песни «Щедрик» и другие. Удачный подбор голосов, несмотря на небольшой состав хора, дает яркую звучность, являясь чутким и послушным инструментом в руках дирижера» [22].

Сам факт наличия в репертуаре хора знаковой песни «Ты, Кубань, ты наша Родина» в эти годы говорит о многом. Однако текст песни был существенно переработан (вероятно, тем же Г. М. Концевичем) и отражал новые реалии: «Ты, Кубань, ты наша Родина, / Наш колхозный богатырь. / Многоводная, свободная, /

Разлилась ты вдаль и вширь. / Мы работники счастливые / Нашей солнечной страны. / Бьем челом тебе, родимая, / Твои верные сыны. / Казаки семьей колхозною / Честным заняты трудом, / Про свои станицы вольные / Песни новые поем. / Ветер носит песню звонкую, / Далеко она слышна, / Под землю плодородною, / Что навечно нам дана. / Если тронет враг кордоны / Нашей родины святой, / Снарядим коней в дорогу / И пойдем на смертный бой. / Мы пошлем, Кубань родимая, / До сырой земли поклон, / Не уроним в Красной Армии / Честь прославленных знамен» [18, с. 376]. С содержанием категорий «Кубань», «Родина», «казаки», «родные станицы» теперь неразрывно связывались понятия «колхозный богатырь», «колхозная семья», «Красная Армия».

Текст «Казачьей думы о Сталине» был опубликован в газете «Красное знамя» в 1936 г. и тоже отражал тенденции встраивания казачества в советское общество: «Собирались казаченьки, / Собирались на заре, / Думу думали большую / На колхозном на дворе. / Если б нам теперь, ребята, / В гости Сталина позвать. / Чтобы Сталину родному / Все богатство показать. / Показать бы, похвалить-

ся / Нашей хваткой боевой... / — Приезжай, товарищ Сталин, / Приезжай, отец родной! / Мы пошлем тебе навстречу / Всех стахановцев полей, / Мы дадим джигитам храбрым / Самых лучших лошадей. / Будешь ехать через поле, / Полюбуйся чистой, / Как хлеба цветистым маем / Умываются росой. / Будешь ехать, сам увидишь, / На колхозном на дворе / Расцветают наши дети / Алым маком на заре. / На большом пиру казачьем / Наши девушки поют, / Зануздают самолеты, / Шелком небо разошьют. / От высокого Казбека / До каспийских берегов / Наша жизнь тобой согрета, / Жизнь советских казаков» [9, с. 4].

Над заголовком публикации этого текста стояло имя автора: «А. Исаков, казак станицы Родниковской». Очевидно, автором текста был Андрей Максимович Исаков (1902–1971), происходивший из бедной казачьей семьи. В 1920 г. он вступил в Красную Армию, участвовал в разгроме частей повстанческой армии Н. И. Махно, после демобилизации работал на плантациях эфиромасличных растений и на промышленных предприятиях, обогащая свой жизненный опыт. В 1933 г. поступил на литературный факультет Северо-Кавказского педагогического института в г. Орджоникидзе. В это же время в печати стали появляться его первые стихи. После окончания института он работал в областных и республиканских газетах Северо-Кавказского края, участвовал в качестве военного корреспондента в Великой Отечественной войне, был награжден за боевые заслуги орденом Красной Звезды, является автором ряда поэтических сборников, в том числе сборника стихов «Казачья дума» (1937) [10].

Сам состав Кубанского казачьего хора был представлен в основном выходцами из колхозов. Местная газета сообщала: «Большинство из них — казаки-колхозники» [21, с. 4]. Другой автор писал об артистах коллектива: «Михаил Кириенко — хорист ансамбля, совсем недавно работал в колхозе станицы Северной, баянисты — братья Коваль — вчерашние производственники сельхозартели “Красный хуторок”, что в Стефановском хуторе, плясун Василий Коровин — из Пластуновской. <...> Ансамбль быстро рос, не порывая связи с родными станицами и хуторами, он пополнялся талантливыми сынами и дочерьми кол-

хозного крестьянства. Сюда пришла замечательная плясунья комсомолка Ольга Донцова, хористка Акимова, баянист Лата и многие другие. Сейчас в ансамбле 65 человек, страстно любящих искусство, прекрасные песни своего народа» [3, с. 3].

Сведения об артистах, музыкантах и администраторах ансамбля того времени прочно увязаны с идеологическим контекстом, с общественной нагрузкой, которую эти люди несли в коллективе. Я. Бородовский в статье «Певцы цветущей Кубани» характеризовал хор следующим образом: «Для менее подготовленных (в идеологическом плане. — О. М.) создан кружок, которым по поручению первичной партийной организации руководит директор ансамбля коммунист Неверов. <...> Отличный танцор — казак Василий Рахуба возглавляет первичную партийную организацию ансамбля. <...> Плясунья Ольга Донцова — комсорг ансамбля, хористки Миргородская и Егорова уже оформляют документы (на вступление в ряды ВКП(б). — О. М.). <...> Пианист Ломакин после репетиции и учебы с членами редколлегии обсуждает план очередного номера. Он — редактор стенной газеты “За советскую песню”, газеты, которая выходит в поезде, в далеких городах во время гастрольных поездок, в станицах родной Кубани, куда ансамбль выезжает на концерты. Можно назвать балетмейстера Золотницкого — председателя месткома, ведущего большую и полезную общественную работу. Нельзя умолчать и о плясуне Василии Вязовец — председателе первичной организации Осовиахима. Дружный спаянный коллектив настойчиво повышает свою работу. Здесь систематически проходят занятия общеобразовательной школы. Географию преподает администратор ансамбля Аронович, математику — плясунья Донцова, русский язык — жена художественного руководителя Тараненко» [3, с. 3].

Одной из установок для нового хора был интернационализм, декларируемый Советским государством и партией большевиков. Еще 10 ноября 1936 г. на встрече с делегациями донского и кубанского ансамблей председатель Всесоюзного комитета по делам искусств П. М. Керженцев обратил внимание «на необходимость включить в свой репертуар, кроме русских и украинских песен, также

песни других народностей СССР — белорусов, грузин, татар, армян и др. национальностей» [17, с. 159].

Печать отмечала, что во время гастролей в Киеве «Песню о Сталине вместе с кубанскими казаками пели украинские евреи, пели восторженно, вкладывая всю душу и тепло своих сердец в ее исполнение. Рядом с тенором Николаем Афанасьевичем Матвеевым — хористом кубанского казачьего ансамбля — стоял Лев Исаакович Каминский — тоже тенор, хорист заслуженной капеллы Украинской республики “Евокан”» [3, с. 3].

Автор публикации Я. Бородавский указывал, что уже после возвращения из Киева Н. А. Матвеев получил письмо от Л. И. Каминского, в котором говорилось: «Дорогой друг! Ваша встреча с нами потрясла всех. Ведь в царское время, ты знаешь, как относились к евреям. А сейчас мы крепко жмем друг другу руки и по праву называем себя равными сынами великого советского народа». «Так писал еврей казаку, и это было красиво и благородно, — отмечал автор статьи, — как сама чудесная жизнь нашей страны, где все поет и веселится» [3, с. 3].

Творчество хора служило инструментом пропаганды советского образа жизни. Советская печать писала, что когда ансамбль приехал с концертами в освобожденную от власти Польского государства Западную Белоруссию, то местное население восторженно встречало выступления коллектива: «Каждый концерт оканчивался стихийно организованными митингами. На митингах рабочие, служащие, интеллигенция горячо благодарили партию, Советское правительство, доблестную Красную Армию, великого Сталина за освобождение белорусского народа от панского ига, за отеческую заботу, за прекрасное советское искусство. Одна белорусская работница на митинге заявила: “Мы 20 лет ждали, пока зазвучит подлинно народная свободная украинская песня. И вот мечта сбылась. Спасибо, большое спасибо товарищу Сталину!” Белорусское население проявляет огромный интерес к нашей жизни. Где бы не были артисты нашего ансамбля, сейчас же их обступали жители. Они интересуются советским искусством, колхозами, промышленностью, образованием» [1, с. 4].

Накапливая опыт, хор постепенно становился хранителем памяти, носителем идентичности кубанского казачества, обеспечивая определенную преемственность традиций войскового певческого хора. «Коллектив выдержал испытание на художественную зрелость, — писал критик, — сочетав образность народного искусства с серьезным овладением классическими произведениями, характер исполнения которых иной, чем исполнение оперного театра, нежели, капеллы и пр. В пении чувствуется, что поют казаки» [22].

Кампания «за советское казачество», несмотря на изменение тактической линии в отношении казачьих сообществ, никоим образом не означала отхода от принципа классовой борьбы и репрессивной политики [18, с. 326–327]. Это отразилось прежде всего в факте ареста и гибели консультанта хора Г. М. Концевича. Согласно обвинительному заключению, Г. М. Концевич «являлся активным участником контрреволюционной казачьей повстанческой организации, действовавшей на Кубани». Он якобы «специально был направлен к. р. организацией в Москву для осуществления террористического акта, приурочив совершение такового в момент выступления хора на торжественном вечере в Государственном академическом Большом театре, посвященном годовщине Великой Октябрьской революции» [7, с. 567]. 13 декабря 1937 г. тройкой УНКВД по Краснодарскому краю Г. М. Концевич был приговорен к высшей мере наказания, а уже 26 декабря приговор был приведен в исполнение. Реабилитирован композитор был достаточно поздно — 18 апреля 1989 г., согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР [7, с. 567].

Публицист П. И. Ткаченко видит в гибели Г. М. Концевича «странную и до сих пор необъясненную нелогичность»: как можно «возродить казачий хор и тут же уничтожить его руководителя, хранителя казачьих песен?» [26, с. 41]. Эту «нелогичность» он объясняет тем, что «некие силы настойчиво противодействовали повороту к народным основам жизни, предпринимаемому властью», шла «жесткая невидимая борьба за сохранение страны, народа, культуры» [26, с. 41]. Для подтверждения своей конспирологической версии П. И. Ткаченко пытается обратиться к самым

разным аргументам: от наследия русского философа Г.П. Федотова до скрытого смысла шуточной песни «Був Грыцько мудрый», еще в 1913 г. включенной Г.М. Концевичем в один из его сборников.

Документы говорят о другом: большевики и не собирались отказываться от классового подхода в отношении казачества. «Есть отдельные товарищи,— говорилось в передовице газеты «Северокавказский большевик» в марте 1936 г.,— которые, глубоко ошибаясь, считают, что сейчас под лозунгами “советское казачество” начинается какая-то новая линия в отношении казачества. Конечно, это нелепость. Линия партии в отношении казачества была одна на протяжении всей истории революции и строительства социализма. Это линия — на разгром кулацко-офицерской верхушки и завоевания на сторону рабочего класса трудовых масс казачества» [Цит. по: 18, с. 325].

Нападки на Г.М. Концевича имели место еще до его ареста. Так, в публикации газеты «Красное знамя» в июле 1937 г. указывалось, что песни в его обработке часто представляют не кубанскую, а украинскую традицию. Автор статьи А.М. Прийменко писал после одного из концертов хора: «Бросается в глаза большая насыщенность концерта (почти все второе отделение программы) песнями в обработке Г.М. Концевича. Конечно, на Кубани поют песню “Ой у лузи”, но все-таки это украинская песня, а не кубанская. Совсем мало кубанских народных песен и тем более с советской тематикой (за исключением “Кубань”). Хлеборобная колхозная Кубань поет новые песни, отражающие новый быт и новый уклад жизни. Консультанту хора, известному собирателю кубанских казачьих песен. Композитору Г.М. Концевичу необходимо пополнить репертуар новыми песнями с советской тематикой» [22]. В условиях, когда за несколько лет до этого на Кубани была свернута искусственная украинизация, а ее проводников обвинили в контрреволюции и буржуазном национализме, намек на «украинство» выглядел зловеще, как и игнорирование советского репертуара. В.П. Бардадым считал эту публикацию «политическим доносом, сыгравшим роковую роль» в судьбе Г.М. Концевича [2, с. 222].

Имя композитора всплывало в делах арестованных за политическую неблагонадежность. Так, еще 20 июля 1937 г., то есть за 40 дней до ареста Г.М. Концевича, под следствием оказался профессор Н.А. Захаров, обвиняемый в принадлежности к белогвардейской организации, руководимой из-за рубежа РОВС. Уже тогда в деле среди других участников этой организации фигурировал Г.М. Концевич [25, с. 141]. Нагнетаемая в 1937 г. атмосфера подозрительности в отношении «кулацко-офицерской верхушки» казачества, повсеместное выявление «врагов народа», действительно фиксируемые органами НКВД отдельные антисоветские настроения [15, с. 866–869] — все это не способствовало объективному рассмотрению дела, в котором красным карандашом была подчеркнута должность Г.М. Концевича до революции: «бывший регент войскового хора» [7, с. 567].

В.И. Птушенко писала в своих воспоминаниях, что вместе с Г.М. Концевичем в Москве «арестовали лучшего нашего танцовщика Николая Жука и еще несколько человек... Конечно, они безвинно пострадали в то страшное время!» [6, л. 55].

Был арестован также директор хора М.И. Чернышев [6, л. 83], а 22 декабря 1937 г. забрали помощника директора Владимира Александровича Вержбицкого, 1903 года рождения, уроженца г. Житомира. Во втором случае сыграло роль польское происхождение Вержбицкого: панская Польша считалась в то время главным врагом СССР. Администратору было предъявлено обвинение в участии в контрреволюционной польской националистической организации «POW» (Polska Organizacja Wojskowa). 22 января 1938 г. В.А. Вержбицкий был расстрелян. Реабилитирован 23 сентября 1957 г. военным трибуналом Ленинградского военного округа за отсутствием состава преступления [11, с. 43].

Артисты и администраторы коллектива в полной мере разделили со своим народом как славные, так и драматические последствия курса на «колхозное казачество». Аресты Г.М. Концевича, В.А. Вержбицкого, М.И. Чернышева, Н. Жука и других администраторов и артистов хора, по-видимому, ввергли коллектив в состояние оцепенения, и он временно прервал свою работу. Лишь спу-

Рис. 6. Ансамбль песни и пляски кубанских казаков исполняет танец «Кубанский казачок» [Большевик. 1939. 22 октября]

Fig. 6. The Song and Dance Ensemble of the Kuban Cossacks is performing the "Kuban Cossack" dance [Bol'shevik. (1939) 22 October]

стия пять месяцев его деятельность возобновилась под новым наименованием: Ансамбль песни и пляски кубанских казаков (Рис. 6). Краевая газета «Большевик» писала в конце января 1938 г.: «Ансамбль песни и пляски кубанских казаков, временно прекративший свою деятельность, сейчас развернул большую

Рис. 7. Девушки из ансамбля песни и пляски кубанских казаков с баянистом [Большевик. 1939 г. 12 мая]

Fig. 7. Girls from the Song and Dance Ensemble of the Kuban Cossacks with an accordion player [Bol'shevik. (1939) 12 May]

подготовку к предстоящим выступлениям. Приобретаются национальные костюмы и другой необходимый реквизит. Ансамбль пополняется новыми хористами, плясунами из колхозных художественных самодеятельных кружков. Намечается довести состав хора до 100 человек. Первое выступление ансамбля состоится в начале февраля» [27, с. 4]. Жизнь коллектива продолжалась. В мае 1939 г. газета сообщала: «Сейчас в ансамбле 65 человек, страстно любящих искусство, пре-

красные песни своего народа» [3, с. 3]. В дни весеннего сева 1939 г. хор выступал в районах Кубани, вдохновляя колхозников на ударный труд (Рис. 7). Особенно на славу удался концерт на хуторе Незамаевском Тимашевского района. «В обратный путь,— писала газета «Большевик»,— дорогих гостей тепло провожал весь хутор. Это было волнующее зрелище. Так может любить народ только кровных своих сынов, не теряющих с ним связей» [3, с. 3].

Таким образом, вторая половина 1930-х гг. стала временем воссоздания Кубанского казачьего хора, однако на совершенно иной идеологической и организационной основе. Впервые предпринятое комплексное изучение истории коллектива в контексте интеграции кубанских казаков в советскую систему показало, что, с одной стороны, каза-

чество, признанное специфической группой в составе колхозного крестьянства, получило мощный инструмент поддержания своей идентичности путем постоянного погружения в народную культуру. С другой, власть не отказалась от классового принципа в подходах к народному творчеству, безжалостно отсекала «чуждые элементы», влияла на формирование репертуара, социального состава участников коллектива, встраивала последних в идеологическую атмосферу советского общества. Представляется, что, несмотря на трагические потери, задачи, поставленные перед коллективом хора, были успешно ре-

шены. Но воссоздание хора отвечало и народным устремлениям. Вопреки мощным модернизационным трансформациям была обеспечена определенная преемственность в бытовании хоровой и танцевальной культуры кубанского казачества, поддерживался устойчивый интерес к казачьим традициям, костюму, ценностям. Опыт постоянной сверки образцов сценического творчества с мнением носителей традиционной культуры, имевший место в ту переломную эпоху, востребован и сегодня. В этом направлении необходимо вести и дальнейшие исследования по истории хора в советский период.

Oleg V. MATVEYEV

Dr. Sci. (National History), Prof.,
Kuban State University,
Krasnodar, Russian Federation,
vim12@rambler.ru

“Our Collective Farm Warrior ...”:

The Kuban Cossack Choir in the Policy of Integrating Cossacks into the Soviet System (Second Half of the 1930s)

Abstract. The aim of the article is to analyze the integration of the Cossacks into the Soviet system in the second half of the 1930s on the example of the Kuban Cossack Choir. The sources were newspaper publications of that time and the manuscript of the memoirs of V. I. Ptushenko, stored in the State Archive of Krasnodar Krai. The study uses the historical and systemic method, which involves studying the phenomenon as an operating system in which all the blocks and elements (the social policy of the Bolsheviks, the development of the Cossack identity and culture, the mechanisms of continuity, the challenges faced by the Soviet Union, the activities of G.M. Kontsevich and Ya.M. Taranenko, the development of collective farms in the Kuban region, etc.) interact and determine its character. The historical-anthropological approach is used with its tools of social history and the history of everyday life. The dramatic process of the revival of the illustrious team, the activities of Ya.M. Taranenko and G.M. Kontsevich, the repertoire and content of the concert work, the daily life of the team are considered. The methodological work of the choir staff is characterized; its ideological integration is described. The main contradictions associated with concert activity in the context of the second half of the 1930s are analyzed. It is noted that during this period the Kuban Cossack Choir was recreated on a completely new ideological and organizational basis. A comprehensive study of the history of the choir staff in the context of the integration of the Kuban Cossacks into the Soviet system shows that, on the one hand, the Cossacks received a powerful tool to maintain their identity through constant immersion in mass culture. On the other hand, the authorities did not abandon the class principle in approaches to folk art, ruthlessly fought against “foreign elements”, influenced the formation of the repertoire, the social composition of the members of the choir, which was built in the ideological atmosphere of Soviet society. Despite the tragic losses, the tasks assigned to the choir team were successfully solved, but the reconstruction of the choir also met people’s aspirations. Despite the powerful modernizing transformations, a certain continuity was ensured in the existence of the choral and dance culture of the Kuban Cossacks, and a steady interest in Cossack traditions, costume, and values remained. The experience of constant reconciliation of samples of scenic creativity with the opinion of the bearers of traditional

culture, which took place at a turning point, is still in demand today. Further research is needed in this direction.

Keywords: Kuban Cossack Choir, Song and Dance Ensemble of Kuban Cossacks, collective farm Cossacks, identity, song repertoire, concert activities, Bolsheviks.

Использованная литература:

1. Ансамбль кубанских казаков возвратился из Западной Белоруссии // *Большевик*. 1939. № 282 (658). 10 декабря. С. 4.
2. Бардадым В. П. Радетели Земли Кубанской: (о выдающихся людях Кубани). 2-е изд., дополн. Краснодар: Советская Кубань, 1998.
3. Бородавский Я. Певцы цветущей Кубани // *Большевик*. 1939. № 108 (484). 12 мая. С. 3.
4. Воскобойников Г. П., Батырев В. Д. Казачество и Советская власть (1921 – июнь 1941 гг.). М.: Альтекс, 2003.
5. Вязовец Василий Семенович // *Дорога памяти*. URL: <https://1418museum.ru/heroes/25820645/> (дата обращения: 11.07.2021).
6. Государственный архив Краснодарского края. Ф. Р-1609. Оп. 10. Д. 6.
7. Два века города в датах, событиях, воспоминаниях... Материалы к Летописи. Краснодар: Краснодарское книжн. изд-во, 1993.
8. Еременко С. И. Хоровое искусство Кубани. Краснодар: Краснодарское книжное изд-во, 1977.
9. Исаков А. Казачья дума о Сталине // *Большевик*. 1938. № 231 (807). 6 октября. С. 4.
10. Исаков Андрей Максимович // *Литературно-художественный альманах Ставропольского краевого отделения Союза советских писателей «Ставрополье»*. URL: <https://almanac.ekimovka.ru/index.php?year=1949&no=5&task=articles&author=4> (дата обращения: 20.04.2021).
11. Книга Памяти жертв политических репрессий по Краснодарскому краю. Краснодар: Диапазон-В, 2012. Т. 5.
12. Коваленко Т. В., Петренко В. Ю. Неопубликованное. Личные фонды деятелей театрального искусства в Государственном архиве Краснодарского края // *Наследие веков*. 2019. № 1 (17). С. 14–32.
13. Концевич Г. М. Казачий хор в станицах Кубани // *Красное знамя*. 1937. № 166 (5031). 21 июля. С. 4.
14. Концевич Г. М. Песни кубанских казаков // *Красное знамя*. 1937. № 51 (3876). 3 марта. С. 4.
15. Краснодарский край в 1937–1941 гг. Документы и материалы / сост. А. М. Беляев, И. Ю. Бондарь, В. Е. Токарев. Краснодар: Эдви, 1997.
16. Кубанский казачий хор приступил к занятиям // *Красное знамя*. 1937. № 46. 29 февраля.
17. Культурное строительство на Кубани (1918–1941 гг.) / науч. ред. И. Я. Куценко. Краснодар: Краснодарское книжное изд-во, 1978.
18. Куценко И. Я. Победители и побежденные. Кубанское казачество: история и судьбы. Кн. 3. Сталинское перерождение. Краснодар: Полиграф-Юг, 2017.
19. Награда Василия Рахубы // *Память народа*. URL: <https://pamyat-naroda.ru/awards/42171563> (дата обращения: 11.07.2021).

References:

1. *Bol'shevik*. (1939) Ansambl' kubanskikh kazakov vozvratilsya iz Zapadnoy Belorussii [The Ensemble of Kuban Cossacks Returned From Western Belarus]. 282 (658). 10 December. p. 4.
2. Bardadym, V.P. (1998) *Radeteli Zemli Kubanskoy: (o vydayushchikhsya lyudyakh Kubani)* [Guardians of the Kuban Land: (About the Outstanding People of Kuban)]. 2nd ed. Krasnodar: Sovetskaya Kuban'.
3. Borodovskiy, Ya. (1939) Pevtsy tsvetushchey Kubani [Singers of the Blooming Kuban]. *Bol'shevik*. 108 (484). 12 May. p. 3.
4. Voskoboynikov, G.P. & Batyrev, V.D. (2003) *Kazachestvo i Sovetskaya vlast' (1921 – iyun' 1941 gg.)* [Cossacks and Soviet Power (1921 – June 1941)]. Moscow: Al'teks.
5. Doroga pamyati [Road of Memory]. (2021) *Vyazovets Vasily Semenovich* [Vasily Semenovich Vyazovets]. [Online] Available from: <https://1418museum.ru/heroes/25820645/> (Accessed: 11.07.2021).
6. State Archive of Krasnodar Krai. Fund R-1609. List 10. Item 6.
7. Bondar', I.Yu. (ed.) (1993) *Ekaterinodar–Krasnodar: Dva veka goroda v datakh, sobyitiyakh, vospominaniyakh... Materialy k Letopisi* [Ekaterinodar–Krasnodar: Two Centuries of the City in Dates, Events, Memories ... Materials for the Chronicle]. Krasnodar: Krasnod. knizhn. izd-vo.
8. Eremenko, S.I. (1977) *Khorovoe iskusstvo Kubani* [The Choral Art of Kuban]. Krasnodar: Krasnod. knizhn. izd-vo.
9. Isakov, A. (1938) *Kazach'ya дума o Staline* [Cossack Thought About Stalin]. *Bol'shevik*. 231 (807). 6 October. p. 4.
10. *Literaturno-khudozhestvennyy al'manakh Stavropol'skogo kraevogo otdeleniya Soyuzs sovetskikh pisateley "Stavropol'e"* [Literary and Artistic Almanac of the Stavropol Regional Branch of the Union of Soviet Writers "Stavropol'"]. (1949) Isakov Andrey Maksimovich [Andrey Maksimovich Isakov]. [Online] Available from: <https://almanac.ekimovka.ru/index.php?year=1949&no=5&task=articles&author=4> (Accessed: 20.04.2021).
11. Zazdravnykh, N. (ed.) (2012) *Kniga Pamyati zhertv politicheskikh repressiy po Krasnodarskomu krayu* [The Book of Memory of the Victims of Political Repressions in Krasnodar Krai]. Vol. 5. Krasnodar: Diapazon-V.
12. Kovalenko, T.V. & Petrenko, V.Yu. (2019) The Unpublished. Personal Funds of Theatrical Artists in the State Archives of the Krasnodar Region. *Nasledie vekov – Heritage of Centuries*. 1 (17). pp. 14–32. (In Russian).
13. Kontsevich, G.M. (1937) *Kazachiy khor v stanitsakh Kubani* [The Cossack Choir in the Stanitsas of Kuban]. *Krasnoe znamya*. 166 (5031). 21 July. p. 4.
14. Kontsevich, G.M. (1937) *Pesni kubanskikh kazakov* [Songs of the Kuban Cossacks]. *Krasnoe znamya*. 51 (3876). 3 March. p. 4.

20. Нечаев Вл. Участники Кубанского казачьего хора едут на праздник // Красное знамя. 1936. № 188. 15 августа.
21. Первое выступление Кубанского казачьего хора // Красное знамя. 1937. № 150 (5015). 3 июля. С. 4.
22. Прийменко А. М. Концерты Кубанского казачьего хора // Красное знамя. 1937. № 171. 27 июля.
23. Прийменко А. Н. Выступления Кубанского хора в станицах // Красное знамя. 1937. № 188. 16 августа.
24. Советские казаки // Казачество под большевистским знаменем. Пятигорск: Северо-Кавказское краевое изд-во, 1936. С. 30–35.
25. Ткачев А. Н., Ждановский А. М. Профессор Н. А. Захаров: археолог, политолог, правовед // Кубанский государственный университет: 100 лет в истории России: материалы Всерос. (с международным участием) науч.-практ. конф.: в 2 т. / под ред. М. Б. Астапова. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2020. Т. 2. С. 130–149.
26. Ткаченко П. И. Композитор Концевич // Фольклорист, композитор Г. М. Концевич / ред.-сост. П. И. Ткаченко. М.: Ф-Принт, 2013. С. 32–54.
27. Хроника // Большевик. 1938. № 22 (98). 28 января. С. 4.
15. Belyaev, A.M., Bondar', I.Yu. & Tokarev, V.E. (1997) *Krasnodarskiy kray v 1937–1941 gg. Dokumenty i materialy* [Krasnodar Krai in 1937–1941, Documents and Materials]. Krasnodar: Edvi.
16. *Krasnoe znamyaya*. (1937) Kubanskiy kazachiy khor pristupil k zanyatiyam [Kuban Cossack Choir Began Classes]. 46. 29 February.
17. Kutsenko, I.Ya. (ed.) (1978) *Kul'turnoe stroitel'stvo na Kubani (1918–1941 gg.)* [Cultural Construction in Kuban (1918–1941)]. Krasnodar: Krasnodar. knizhn. izd-vo.
18. Kutsenko, I.Ya. (2017) *Pobediteli i pobezhdennye. Kubanskoe kazachestvo: istoriya i sud'by* [Winners and Losers]. Book 3. Krasnodar: Poligraf-Yug.
19. Pamyat' naroda [Memory of the People]. (2021) *Nagrada Vasiliya Rakhuby* [Vasily Rakhuba's Award]. [Online] Available from: <https://pamyat-naroda.ru/awards/42171563> (Accessed: 11.07.2021).
20. Nechaev, Vl. (1936) Uchastniki Kubanskogo kazach'ego khora edut na prazdnik [Members of the Kuban Cossack Choir Go to a Feast]. *Krasnoe znamyaya*. 188. 15 August.
21. *Krasnoe znamyaya*. (1937) Pervoe vystuplenie Kubanskogo kazach'ego khora [The First Performance of the Kuban Cossack Choir]. 150 (5015). 3 July. p. 4.
22. Priyenko, A.M. (1937) Kontserty Kubanskogo kazach'ego khora [Concerts of the Kuban Cossack Choir]. *Krasnoe znamyaya*. 171. 27 July.
23. Priyenko, A.N. (1937) Vystupleniya Kubanskogo khora v stanitsakh [Performances of the Kuban Choir in Stanitsas]. *Krasnoe znamyaya*. 188. 16 August.
24. Anon. (1936) Sovetskie kazaki [Soviet Cossacks]. In: *Kazachestvo pod bol'shevistskim znamenem* [Cossacks Under the Bolshevik Banner]. Pyatigorsk: Severo-Kavkaz. kraev. izd-vo. pp. 30–35.
25. Tkachev, A.N. & Zhdanovskiy, A.M. (2020) [Professor N.A. Zakharov: Archaeologist, Political Scientist, Jurist]. *Kubanskiy gosudarstvennyy universitet: 100 let v istorii Rossii* [Kuban State University: 100 Years in the History of Russia]. Conference Proceedings. In 2 vols. Vol. 2. Krasnodar: Kuban State University. pp. 130–149. (In Russian).
26. Tkachenko, P. (2013) Kompozitor Kontsevich [Composer Kontsevich]. In: Tkachenko, P. (ed.) *Fol'klorist, kompozitor G.M. Kontsevich* [Folklorist, Composer G.M. Kontsevich]. Moscow: F-Print. pp. 32–54.
27. *Bol'shevik*. (1938) Khronika [Chronicle]. 22 (98). 28 January. p. 4.

Полная библиографическая ссылка на статью:

Матвеев О. В. «Наш колхозный богатырь...»: Кубанский казачий хор в политике встраивания казачества в советскую систему (вторая половина 1930-х годов) / О. В. Матвеев // Наследие веков. – 2022. – № 1. – С. 34–46. DOI: 10.36343/SB.2022.29.1.003

Full bibliographic reference to the article:

Matveyev O. V. (2022) "Our Collective Farm Warrior ...": The Kuban Cossack Choir in the Policy of Integrating Cossacks into the Soviet System (Second Half of the 1930s). *Nasledie vekov – Heritage of Centuries*. 1. pp. 34–46. (In Russian). DOI: 10.36343/SB.2022.29.1.003